

Таша Минских
ДОМ,
В КОТОРОМ
КТО-ТО ЖДЁТ

Таша Минских

Дом, в котором кто-то ждёт

<https://litres.ru/74622344>

SelfPub; 2026

Аннотация

Писатель Илья бежит от затяжного творческого кризиса в глухой загородный особняк. Ему обещаны полное уединение, тишина и отсутствие связи. Но у старого дома свои планы на гостя — по ночам он оживает, разговаривая сам с собой. На лесной тропе у реки Илья встречает загадочную девушку Лию, которая, кажется, ждала именно его. Пытаясь записать её историю, он находит в заброшенной библиотеке старинные рукописи и письма, выведенные его собственным почерком и датированные 1908 годом. Вскоре в дом за вдохновением приходит молодая художница Анна, умеющая видеть «лишние» тени. Время замыкается в петлю. Из этого дома невозможно уехать, пока история не станет честной, а обещание — выполненным. Но готовы ли герои заплатить цену, которую потребует особняк за право выйти из его бесконечных вариантов? Пронзительная мистическая драма о выборах, которые мы боимся сделать, о петлях времени и дверях, которые открываются лишь тогда, когда перестаёшь ждать.

Таша Минских

Дом, в котором кто-то ждёт

Дом, в котором кто-то ждёт

Окно в кабинете Ильи выходило на серую стену соседнего дома, и дождь барабанил по этой стене четвёртый день подряд. Он сидел перед открытым ноутбуком уже пять часов. На экране моргал пустой курсор — издевательский чёрный квадратик, который словно смеялся над его попытками. За это время Илья успел выпить три чашки кофе, перечитать все свои старые заметки, дважды проверить почту и написать ровно одну фразу: *«Он вышел из дома, не зная, вернётся ли обратно»*. Потом он стёр и её.

Телефон завибрировал. Снова агентство.

«Илья, привет! Как продвигается? Редакция очень ждёт. Напоминаю, что по договору черновик должен быть через три недели. Ты нам обещал что-то сильное. Давай, мы в тебя верим!»

Он не ответил. Он не мог ответить. Каждое сообщение от агента было как удар — сначала в грудь, потом под дых, потом по виску. Его последний роман закончился два года назад, и с тех пор слова вели себя как чужие — складывались в фразы, но не значили ничего. Раньше он слышал ритм даже в шуме метро, а теперь не слышал ничего. Ни музыки, ни голосов, ни даже собственных мыслей. В городе было слиш-

ком шумно, слишком много лиц, слишком много ожиданий. Каждое утро начиналось с одного и того же: звонок редактора, пустой экран, кофе, который остывал быстрее, чем появлялась мысль. Ему казалось, что он выдохся до конца, что внутри больше нет ни одной истории, способной кого-то тронуть.

В отчаянии он отодвинул стул и подошёл к окну. Дождь лил стенами. На подоконнике отсырела стопка старых газет — он принёс их неделю назад, чтобы растопить камин, но так и не добрался. Одна из них, самая верхняя, промокла у края, и дождевые капли размыли заголовок. Илья машинально потянул её к себе, чтобы убрать, но взгляд зацепился за маленькое объявление в углу третьей полосы. Шрифт был мелким, почти незаметным, но слова прочитались чётко, будто кто-то специально выделил их для него:

Сдаётся старый особняк за городом. Полное уединение. Лес, тишина, отсутствие связи. Для тех, кто ищет покой. Недорого.

Сердце стукнуло раз, второй. Илья перечитал объявление три раза. *«Для тех, кто ищет покой»* — фраза легла на него, как размеренная музыка, которая давно не звучала в его голове. Он посмотрел на дождливую стену за окном, на мигающий курсор, на телефон, который вот-вот завибрирует снова. И вдруг понял: если он останется здесь ещё на день, он просто сойдёт с ума. Или, что хуже, перестанет быть писателем навсегда.

Через час он уже ехал по адресу из объявления. Телефона не было, только адрес и то довольно расплывчатый. Но само решение уже созрело, твёрдое, как бетон: он ехал за вдохновением, но не был уверен, что оно вообще существует..

Агентству он написал короткое сообщение: *«Уезжаю на месяц. Вернусь с романом или не вернусь вообще»*. И выключил телефон.

Дом встретил его не сразу. Сначала была только дорога — разбитая, заросшая травой, которая упиралась в кованые ворота с облупившейся краской. За ними, в глубине запущенного сада, угадывался силуэт: тяжёлый, массивный, сложенный из тёмного кирпича, который за сто лет приобрёл багровый оттенок. Особняк казался живым существом — он чуть накренился вперёд, будто приглядывался к гостю, а его крутая черепичная крыша напоминала взъерошенные перья старой птицы. Вокруг царила такая глубокая зелень, что дом почти тонул в ней, как корабль в густом море. Но стоило подойти ближе, и он являл себя во всей своей суровой красоте.

Дом был построен в начале прошлого века. Высокие потолки, лестница с потёртыми перилами, окна, в которых отражалось небо так, будто оно заглядывало внутрь. Фасад украшали лепные карнизы, местами осыпавшиеся, но всё ещё хранившие следы искусной работы. Парадная дверь — массивная, дубовая, с медной ручкой в виде львиной головы — открылась с протяжным скрипом, который разнёсся по пустым комнатам, словно дом выдохнул после долгого сна.

Пахло пылью, старым деревом и чем-то сладковатым — возможно, сушёными травами, которые когда-то развешивали на кухне. Внутри царил полумрак, но солнечные лучи пробивались сквозь высокие стрельчатые окна и рисовали на полу золотые прямоугольники, в которых танцевали пылинки.

Хозяин — сухой мужчина с усталым голосом, — стоял в дверях кухни, заложив руки за спину. Он окинул Илью долгим взглядом, словно оценивая, выдержит ли тот то, что ему предстоит, и сказал на прощание:

— Если по ночам будет слышно... не обращайтесь внимания. Дом старый. Он привык говорить сам с собой.

Илья тогда только усмехнулся — нервно, скорее для себя, чем для хозяина. Но внутри что-то дрогнуло. Он посмотрел на тёмную лестницу, уходящую на второй этаж, на запылённые люстры и длинные коридоры, теряющиеся в полумраке. В этом доме пахло не только временем — пахло историей, которая ещё не была рассказана. Или, возможно, той, которую кто-то очень долго ждал, чтобы услышать.

А за окнами всё ещё шёл дождь. Но теперь он звучал иначе — не как стена, а как тихий, настойчивый ритм, в котором Илья вдруг различил первые такты новой истории.

Первые дни прошли спокойно. Настолько спокойно, что Илья почти испугался — он привык, что тишина в городе была лишь паузой между шумами, а здесь она оказалась полной, густой, как старая смола. Он вставал рано, когда солнце

ещё только пробивалось сквозь верхушки сосен и раскладывало по полу веранды длинные янтарные полосы. Кофе он заваривал в медной турке, которую нашёл в кухонном шкафу, — с облупившейся ручкой, но с таким запахом внутри, будто в ней варили напитки ещё при царе. Илья сидел на деревянном крыльце, укутавшись в плед, и слушал, как лес просыпается: сначала птицы, потом ветер, потом далёкий, почти неразличимый шум реки внизу.

Он пытался писать. Садился с блокнотом или ноутбуком, клал руки на клавиши и ждал. Иногда получалось — не сюжет, не герои, не диалоги, а обрывки: туман, стелющийся по земле; шаги, которые слышны, но никого нет; ощущение присутствия, когда оборачиваешься, а за спиной пуста. Эти фразы он записывал, но они не складывались в историю. Они были как осколки стекла — красивые, но острые и бессвязные.

По ночам дом действительно издавал звуки. Сначала лёгкий скрип — где-то на втором этаже, будто кто-то осторожно ступал по половицам, стараясь не разбудить. Потом тихие удары, похожие на то, как закрывают двери — не со стуком, а с мягким, почти деликатным щелчком. Илья лежал на старой железной кровати, смотрел в потолок с лепниной и прислушивался. Сердце билось чаще, чем хотелось бы, но он убеждал себя: Древесина. Влажность. Ветер, который играет с карнизами. Старые дома дышат — это не магия, это физика. Он даже посмеивался над собой: тридцать пять

лет, взрослый мужчина, а вздрагивает от каждого скрипа. Но спал тревожно — просыпался в поту, не помня снов, и долго лежал, вслушиваясь в ночную тишину, которая сама по себе звучала громче любого города.

На четвёртый день он не выдержал. Утро выдалось ясным, почти прозрачным, и лес манил его из окон. Илья взял куртку, сунул в карман блокнот и пошёл гулять по лесной дорожке, которая уходила вниз, к реке. Тропа была узкой, заросшей папоротниками и мхом, пахло влажной землёй и хвоей. Он шёл медленно, вдыхая воздух, который не пах бензином и асфальтом, и впервые за эти дни почувствовал, что плечи чуть расслабились. Где-то впереди журчала вода, птицы перекликались в кронах, и всё было почти идеально.

Почти.

Там, где тропа делала резкий поворот, огибая огромный замшелый валун, он увидел её.

Она стояла у воды, босиком — тонкие ступни почти сливались с мокрым песком, — и подол длинного светлого платья тяжело намок от росы и речной влаги. Волосы, тёмные и длинные, спадали почти до талии, и ветер играл с ними так же, как играл с ветками ив. Одна рука была опущена вдоль тела, другая — слегка отведена в сторону, будто она замерла на полпути к жесту. Слишком легко одетая для прохладного вечера — тонкий хлопок, открытые плечи, никакой обуви, — слишком неподвижная, будто была частью пейзажа: как берёза, как вода, как долгий вечерний свет. Казалось, она

росла из этого берега, из этих камней, и появление Ильи было лишь движением воздуха, которого она даже не заметила.

Он хотел уже тихо пройти мимо, чтобы не спугнуть картинку, но она вдруг повернула голову. Медленно, плавно, почти неохотно — как человек, который знает, что кто-то стоит у него за спиной, но не хочет подавать виду. Их взгляды встретились, и Илье показалось на секунду, что она не удивилась. Что она знала, что он придёт. Что она его ждала.

— Вы из дома на холме, — сказала она. Это был не вопрос. Голос у неё оказался низким, чуть хрипловатым, будто она давно не говорила или, наоборот, привыкла говорить шёпотом.

Илья сглотнул. Он не сразу нашёл слова.

— Да. А вы... живёте здесь?

Она чуть склонила голову, разглядывая его с любопытством, в котором не было навязчивости, но было что-то другое — какая-то давняя, почти звериная осторожность. Взгляд её был светлым, почти прозрачным, но в глубине теплится огонёк, который он не мог прочесть.

— Иногда, — ответила она.

Улыбнулась — только краешком губ, только для того, чтобы он понял: она не враг. Но в этой улыбке было что-то неуловимо осторожное, словно она принюхивалась к нему, прислушивалась, проверяла — можно ли ему доверять. Будто она уже много раз видела людей, которые приходили и уходили, и каждый оставлял след, но не каждый этот след

был добрым.

Она шагнула ближе, и Илья хотел спросить, как её зовут, но она опередила.

— Я — Лия, — сказала она просто.

Они пошли вдоль берега — сначала молча, потом перекидываясь короткими фразами. Разговор складывался странно: она отвечала точно, но никогда — прямо. На вопрос, сколько лет она здесь живёт, она ответила: «Столько, сколько помню». На вопрос, есть ли у неё семья, она просто пожала плечами и кивнула на воду: «Река — она тоже семья, если долго слушать её».

Когда он сказал, что он писатель, она не удивилась. Кивнула так, будто знала это заранее, будто ещё до того, как он открыл рот, она уже прочитала это по его рукам, по его уставшим глазам, по тому, как он держит блокнот.

— Дом вам подходит, — сказала она тихо. — Он любит тех, кто слушает.

— Что именно он говорит? — спросил Илья. Он спрашивал почти шёпотом, потому что вокруг вдруг стало слишком тихо, даже вода, казалось, замерла.

Лия остановилась, посмотрела на него долгим взглядом, в котором мелькнула глубокая тень.

— Разное. Чаще — о тех, кто не успел договорить. О тех, кто ушёл, но оставил голос. Дом их помнит. И когда становится слишком тихо — он начинает говорить за них.

Илья хотел спросить ещё, но Лия вдруг попрощалась.

Внезапно, мягко, без объяснений — так же, как и появилась.
— Мне пора, — сказала она. — Дорога не любит ждать.

И она свернула на тропу, которой Илья раньше не замечал, — узкую, почти скрытую кустами, уходящую вверх по склону, где росли старые дубы. Он хотел её окликнуть, хотел спросить, увидятся ли они снова, но язык не слушался. Он просто стоял и смотрел, как её лёгкая фигура растворяется в сумерках, как платье мелькает между стволами, как звук её шагов становится тише, тише, а потом исчезает совсем.

И дорога за ней будто закрылась — ветки сомкнулись, трава выпрямилась, и от тропы не осталось и следа.

Илья постоял ещё несколько минут на берегу, потом медленно развернулся и пошёл обратно к дому. Он вдруг понял, что впервые за два года хочет не просто написать — а записать. Словно кто-то внутри наконец-то разжал кулак и позволил словам выйти.

В ту ночь он написал больше, чем за последние два года. Текст лился легко, пугающе легко. Дом в романе был живым. Девушка — знакомой, но без имени. Когда он остановился, за окном уже светало, а в доме стояла тишина, слишком глубокая для старого здания.

Лия стала появляться на прогулках регулярно — всегда в разных местах, всегда словно случайно. Иногда она задавала вопросы о его книге, которые он никому не рассказывал. Иногда молчала, и это молчание было плотнее слов.

— Вы останетесь здесь надолго? — спросила она однажды.

— Пока не закончу роман.

— Тогда будьте осторожны, — сказала она тихо. — Дом не любит, когда истории заканчиваются.

Илья начал замечать странности. Сначала мелкие — вещи меняли положение, двери, которые он закрывал, оказывались приоткрытыми, свет зажигался сам собой в комнатах, где он не был. Потом — серьёзнее. Некоторые сцены, написанные ночью, утром исчезали из файла — безвозвратно, словно их вырезали, — но оставались в его памяти. Ярче, чем реальные воспоминания. Он мог пересказать их слово в слово, мог видеть лица героев, но на экране была лишь пустота. В зеркалах второго этажа отражение иногда запаздывало — на долю секунды, на полвздоха, но Илья замечал. Он стоял неподвижно, а его отражение завершало движение чуть позже, будто жило своей жизнью. А однажды он нашёл в ящике стола листы — пожелтевшие, с неровными краями, исписанные его почерком, но явно не им написанные. Там были сцены, которых он не создавал. Диалоги, которых он не слышал. И в конце — фраза, выведенная крупно и чуть дрожащей рукой: *«Ты уже знаешь, что делать»*.

В тот вечер он долго сидел на кухне, глядя на потухший камин. Внутри него боролись два чувства: страх и странное, почти запретное волнение. Он боялся, но он и ждал продолжения.

Последняя встреча с Лией произошла у дома. Она стояла на ступенях — там, где он был уверен, никто не стоял мгновение назад. Её платье было сухим, волосы расчёсаны, взгляд спокоен. Но Илья заметил, что её пальцы чуть сжимают подол — жест, которого раньше не было. Она ждала его. Знала, что он выйдет.

— Ты уже понял? — спросила она.

Он остановился в нескольких шагах. В груди колотилось сердце, но голос был ровным.

— Что именно?

— Кто здесь ищет вдохновение... а кто — выход.

Слова повисли между ними, тяжёлые и прозрачные одновременно. Илья смотрел на неё, и впервые за все эти дни ему показалось, что он видит не просто девушку у реки — а кого-то гораздо старше. Гораздо глубже. Кого-то, кто видел этот дом, этот лес, эту дорогу до того, как он вообще родился.

Он хотел задать десятки вопросов: кто она, почему появилась, что значит «*выход*», что за истории забирает дом, и что случилось с теми, кто писал здесь до него. Но в тот самый миг дом скрипнул — долго, протяжно, откуда-то сверху, будто предупреждая. Или подгоняя. Лия сделала шаг назад, к двери, и в этот момент Илья понял нечто, что должно было прийти к нему раньше: он никогда не видел, как она приходит. Только — как исчезает. Она всегда была уже там, когда он появлялся. И всегда уходила первой.

Она улыбнулась ему — мягко, почти нежно, с той грустной теплотой, с которой прощаются с тем, кого любят, но больше не увидят. А потом развернулась и шагнула за дверь, которая сама приоткрылась ей навстречу.

Илья не пошёл за ней. Он знал, что не нужно.

На следующее утро особняк был пуст. Совсем пуст — не как раньше, когда пустота была лишь отсутствием вещей. Теперь она была абсолютной. Ни хозяйских вещей, ни следов Лии, ни её имени, ни тени. Даже пыль, казалось, осела по-другому — так, будто здесь не жили никто и никогда.

Только законченный роман остался на ноутбуке. Весь. Целый. Живой. Илья открыл файл и прочитал первую страницу — она звучала так, будто была написана не им, но через него. Словно кто-то взял его руки и направил их. Это был лучший текст из всего, что он когда-либо создавал. Глубокий, прозрачный, настоящий — до дрожи, до слёз, до того, как перехватывает дыхание.

Но в конце файла, на самой последней странице, после финальной точки стояла приписка. Илья не помнил, чтобы он её писал.

«Истории всегда требуют кого-то взамен. Спасибо, что остался».

Он долго смотрел на экран. Потом закрыл ноутбук и медленно поднялся. Сердце стучало ровно и глухо, как маятник, который больше никуда не спешит. Он подошёл к окну и посмотрел в сторону леса. Лес был неподвижен — каждая вет-

ка, каждый лист замерли, будто ждали. Дом — тих. Ни скрипов, ни шагов, ни шёпота за стеной. И только на веранде, на старых деревянных досках, ещё не высохли женские следы — тонкие, босые, влажные.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.